

Эгиз в гостях у Айвазовского

Б.И. Эгиз

Мои воспоминания об И.К. Айвазовском

Впервые я увидел И. К. в Одесском художественном училище.* Обойдя учеников и знакомясь с их работами, он каждому сказал ласковое слово поощрения. А в классе, где мы писали *Nature morte*, И. К. обратился к нам со словами: «Внимательно наблюдайте рефлексы, происходящие от окружающей среды изображенных вами предметов. Рефлексируйте вашу живопись, побольше рефлексируйте!». Лишь значительное время спустя я мог понять всю ценность этого совета, так как в то время для меня еще не были доступны ощущения тончайших нюансов от рефлексов.

Поиски и наблюдения рефлексов были тогда новым веянием в живописи, они исходили от художников-импрессионистов *Pleine airist* французов.

Удивительно, как этот большой мастер, убеленный сединами, считался с этим новым течением, еще между тем как оно тогда еще многими, даже большими художниками, не признавалось, а подчас и высмеивалось.

В следующий день И. К. снова посетил наше училище. В большом зале со сценой были поставлены стулья рядами для членов совета Общества изящных искусств с преподавателем Н.П. Кон-

* Это 1886 год. В Одессе проходила его персональная выставка. Весь сбор, около 1000 рублей, поступил в пользу рисовальной школы. Директор художественного училища А. Попов сообщил, что в присутствии учеников И.К. Айвазовский напишет картину «Ночь на Черном море». – Из статьи в газете «Одесские новости». – 1900, 20 апреля.

даковым во главе, для преподавателей и учащихся. На сцене стоял мольберт с 1,5-метровым холстом, на котором И. К. обещал написать картину на наших глазах и преподнести ее в дар училищу.

С большим энтузиазмом готовились мы к этому редкому зрелищу и были словно наэлектризованы.

Встреченный нами громом аплодисментов, И. К. заявил, что будет изображать: ночь на море при лунном освещении.

Как сейчас помню: он сначала наметил луну кружком и провел по линейке линию горизонта. Затем жидким маслом

написал все 4 угла холста темными тонами и стал приближаться к луне и блеску на морской зыби. И. К. писал широкими мазками, делая таким образом предварительную подготовку всей картины. После этого сухим флейцем (широкой пушистой мягкой кистью) флейцуя, т. е. растушевая, И. К. стал придавать форму облакам, освещенным луной. Закончив облака и луну, он ловким взмахом кисти изобразил красивый блеск луны на море.

Затем И. К. отошел от картины на некоторое расстояние, чтобы лучше судить об общем впечатлении. Внеся некоторые дополнения и поправки, он подписался в нижнем правом углу картины. Все это продолжалось часа 2-2,5.**

Довольно часто я встречал И. К. в Феодосии, где нередко (он) проводил лето.*** Его картинная галерея представляла собой

** Картина находится в экспозиции ОХМ. «Ночь над Черным морем». Х., м. 100×76. Спр. вн.: Айвазовский.

*** Речь идет о 1889 году. Из письма Айвазовского – Г. Эзову от 5 мая 1889 года: «Завтра мы предпринимаем морское путешествие на неделю, едем до Батума и обратно с этим же пароходом. Я уже знаком с этим берегом, но жена увидит кавказский берег в первый раз. Мне, кстати, теперь еще раз надо осмотреть

огромный зал с верхним светом и была сплошь увешана картинами только кисти И. К.

Я стал там копировать: «Поход аргонавтов». Картина эта изображала момент приближения аргонавтов к берегам Колхиды: рассветало; небо уже зарделось нужными оттенками восходящего солнца. Вдали голубели горы, на синем море была зыбь. Красиво украшенный корабль был заполнен аргонавтами в шлемах, с пиками и щитами в руках.* С небом и кораблем я скоро справился, но зыбь на море мне никак не

давалась. «Молодой человек, – услышал я как-то раз голос за спиной, – небо и корабль вышли у вас отлично, а вот море не так надо писать. Дайте мне палитру». За мной стоял приветливо улыбающийся И. К. В течение нескольких минут, не смотря на свою картину, он ловко переписал зыбь на море, и не вполне ее закончив, сказал: «Ну вот, теперь продолжайте». После его ухода от пережитых волнений я в тот день уже более писать не мог. В следующий день, сличая мою копию с оригиналом, я пришел к заключению, что на большой картине море лучше написано. Поколебавшись немного, я с юношеской горячностью решительно дерзнул снова переписать зыбь. Увы! У меня ничего хорошего не получилось, и я горько раскаивался, что поступил так опрометчиво. Конечно, гораздо благоразумнее было сохранить нетронутыми все те места, которых коснулась рука этого большого мастера.

Несколько дней спустя И. К., стоя на антресолях, соединявшихся с картинной галереей красивой дубовой лестницей,

---

берега, так как по возвращении оттуда начну картину, изображающую поход аргонавтов в Колхиду». После путешествия художник сразу же начал писать полотно, впоследствии названное «Аргонавты». – Книга Минас Саргсяна «Жизнь великого мариниста. Феодосия. Москва. Изд. дом «Коктебель». 2010.

* Местонахождение картины неизвестно.

звал меня: «Молодой коллега, идите сюда, вы мне сейчас очень нужны». Я был смущен таким его обращением ко мне и мигом взбежал вверх.

Ласково поздоровавшись со мной и взяв меня за талию, И. К. сказал: «Идите ко мне, мой дорогой, сегодня вы дадите урок Айвазовскому!». Я полагал, что он шутит, и широко улыбнулся. Меня очень удивило, когда в его студии я на мольберте увидел вместо обычной марины неоконченный портрет дамы. Тут же в удобном глубоком кресле сидела Гуса И., славившаяся в то время в Одессе своей красотой, которую И. К. и изображал.

«Так вот, дорогой, прошу, укажите ошибку на портрете, мне бы очень хотелось добиться хорошего сходства этой дивной красавицы, а оно, как видите, мне пока не дается. Слова эти меня очень меня смутили. «Что вы, что вы, глубокоуважаемый И. К., да как это можно, чтобы я, еще заурядный школьник, осмелился делать вам, такому знаменитому художнику и исключительному мастеру, свои жалкие указания! Нет, нет, это невозможно, увольте меня от этого!»

«Не скромничайте, молодой человек, я видел ваши рисунки и, наконец, я ведь известный маринист, но портретов не пишу».

Далее отнекиваться было бесполезно, так как И. К. стал задавать отдельные вопросы: «Как, по-вашему, правильно ли я расставил глаза? Не велик ли рот? Не бледен ли цвет лица?» и т. д. Сначала очень нерешительно и робко отвечал я на его вопросы, а затем, войдя в свою роль, осмелел и порядком раскритиковал портрет. Как мне казалось, И. К. очень внимательно слушал, иногда переспрашивая и задавая новые вопросы.

В заключение он поблагодарил и пригласил меня и Гусу И. позавтракать у него. Нас приветливо встретила миловидная брюнетка средних лет – его супруга. В столовой повсюду в красивых вазах были расставлены цветы, а на стенах висели небольших размеров картины известных художников. И. К. за столом очень оживленно и образно рассказывал нам многое из пережитого им богатого прошлого.

Все эти впечатления опьянили меня, я был в прекрасном настроении и чувствовал себя словно на именинах. Года 3 спустя* И. К. пригласил меня с моим дядей С. Ш. Х., у которого я часто гостил в Феодосии, к себе в свое имение Субаши. Там был большой незатейливый парк, в простоте своей очень красивый. Перед террасой дома находился зацементированный пруд, в котором плавали корабли (разных эпох), приблизительно с один метр величиной каждый. Прекрасно исполненные, со всеми парусами и снастями, это были точные копии с моделей, хранившихся в музее Адмиралтейства в Петербурге. И. К. нередко их срисовывал для своих картин.

Всю неделю, проведенную нами у чрезвычайно любезных и гостеприимных хозяев, по ночам светила луна, парк освещался тем таинственным мерцающим лунным светом, который как не добивались художники, еще постигнуть не могут. Зрелище было чудесным. Частое бульканье воды в пруде от прыгавших в воду на разные лады квакающих лягушек, мрачный хохот и выкрики ночных птиц и скрипучий визг медленно проезжавших невдалеке телег с несмазанными колесами оживляли пейзаж звуками.

В этом же имении в сравнительно небольшой студии И. К-ча на мольберте стояли три начатые им картины. И. К. писал еже-

---

* Возможно, Эгиз ошибся. Это 1892 год.

дневно по нескольку часов. Я с восторгом наблюдал, как они со дня на день нарастали.

К концу недели все эти три картины были закончены. И в это время И. К. было уже за 80 лет, но он выглядел гораздо моложе, и слава его была в своем зените.

Удивительно картинно и красочно рассказывал он нам о своих путешествиях и о своих встречах с выдающимися людьми того времени.

Таковы были мои встречи с И. К., которые никогда не изгладятся из моей памяти.

Публикация Марины Верховецкой

